

— Му Сюнь, ты что творишь? Лежи смирно, не двигайся! — не обращая внимания на уговоры Цзян Нин, Му Сюнь продолжал ползать по полу, перебирая лекарства, оставленные врачом. — Цзян Нин, подойди сюда, пожалуйста.

Цзян Нин послушно села рядом с ним:

— Что случилось? — Её необычайно мягкий голос, казалось, был способен исцелить любую боль, которую сейчас испытывал Му Сюнь.

Му Сюнь осторожно приложил пакет со льдом к её щеке, где ещё не успели сойти багровые следы от ударов, и очень бережно спросил:

— Больно?

Глядя на Му Сюня, который сам был избит до полусмерти, но при этом продолжал беспокоиться о ней, Цзян Нин не смогла сдержать слёз. Они хлынули из глаз, причиняя невыносимую, прежде неведомую боль:

— Зачем? Почему? Му Сюнь, неужели Вэнь Си и Чжоу Цзэжань стоят того, чтобы вы так поступали?

— Делай добро и не спрашивай о будущем. К тому же, кто знает, к худу или к добру обернется эта беда? Здесь мне хотя бы не нужно опасаться, что кто-то украдет наши работы, — Му Сюнь нежно стер слезы с её щек своими тонкими пальцами.

— Но тебе же больно, — Цзян Нин смотрела на лежащих на полу карцера Му Сюня и Вэнь Си. Когда-то они были такими гордыми юношами — дерзкими, яркими, полными жизни. А теперь? Растрепанные волосы, жалкий вид — невозможно было узнать в них тех прежних, цветущих парней.

— Ты жалеешь меня? — Му Сюнь горько усмехнулся. Его лицо было мертвенно-бледным, ресницы слегка намокли, а прилипшие от пота к щекам пряди волос и почти бескровные губы вызывали у Цзян Нин новый приступ боли, и глаза снова подернулись туманом. — Быть объектом жалости госпожи Цзян... это великая честь для меня.

Му Сюнь был измотан настолько, что едва дышал, но на губах играла слабая улыбка, хотя каждое движение отдавалось болью во всем теле:

— Послушай, скажи, пожалуйста, Чжоу Цзэжаню, что наше наказание никак не связано с ним. Он очень ранимый человек, я не хочу, чтобы у него возникли недопонимания или чтобы мы нажили себе врага. Ссс... а-а... — раны снова начали пульсировать от боли. Хорошо, что ещё не лето, иначе мучения были бы вдвойне невыносимы.

— Я поняла, я передам ему. Кстати, насчет ваших телефонов — вечером сможете позвонить родителям.

— Те-телефоны? Учитель уже сообщил нашим родителям? — Вэнь Си резко изменился в лице. Только не это! Его родители ни в коем случае не должны узнать! Вэнь Си вытаращил глаза, полные ужаса и смятения.

Если родители узнают, что он не ночевал дома, не избежать суровой взбучки. Несмотря на то, что он уже взрослый, выросший в семье военных, он до смерти боялся отцовского гнева, ведь он был неправ. Если бы его родители сейчас были в стране, он наверняка получил бы ещё одну порцию побоев.

— Нет-нет, успокойся. Учитель просто хочет, чтобы вы связались с близкими, боится, что вы скучаете по дому. Но позвонить можно будет только вечером.

— А, ну хорошо.

— Тогда я пойду, вечером вернусь.

Перед уходом Цзян Нин, видя, что Му Сюнь всё ещё подавлен, взяла его за руку. Му Сюнь сначала удивился, а затем его настроение заметно поднялось. Он не сводил глаз с Цзян Нин, пока она не вышла из карцера и дверь не закрылась. Му Сюнь вдохнул аромат, оставшийся на его пальцах — тонкий запах роз.

— Прямо как она сама — гордая роза, — он едва заметно улыбнулся. — Как бы хотелось вдыхать этот аромат каждый день.

— Чжоу Цзэжань, ты здесь? — Цзян Нин искала его весь день и наконец нашла в тренировочном зале.

— Ты кто? — настороженно спросил Чжоу Цзэжань.

— Меня зовут Цзян Нин, я старая знакомая Му Сюня и Вэнь Си.

— Что? Му Сюня и Вэнь Си избили, и ты пришла сводить со мной счеты? — Чжоу Цзэжань непроизвольно отступил на несколько шагов.

— Нет, что ты, — Цзян Нин поспешно замахала руками. — Просто Му Сюнь и Вэнь Си пока не могут выйти, а мне разрешили их навестить. Они просили передать тебе: то, что их наказали, никак не связано с тобой, и они просили тебя не брать это в голову.

— Они правда так сказали? Но ведь если бы они не попытались отправить меня в больницу, их бы не тронули!

— Чжоу Цзэжань, независимо от того, избили бы их или нет, они всё равно бы помогли тебе, даже если между вами были разногласия. Му Сюнь и Вэнь Си просто хотят, чтобы ты не терзался и не запускал тренировки, — спокойно ответила Цзян Нин.

— А я могу навестить их? Хотел бы поблагодарить лично.

— М-м... вряд ли пустят. Без разрешения господина Пяо их никто не увидит. Я могу передать им твои слова, я пойду туда вечером.

— Забудь, не стоит тебя утруждать.

Цзян Нин в тот момент надеялась, что Чжоу Цзэжань больше не будет питать к ним беспричинной вражды, и что им не придется через много лет окончательно стать чужими людьми из-за всех тех интриг, что плелись вокруг них.

Однако Чжоу Цзэжань всё же решил сам пробраться к карцеру.

— Кто такой? Без разрешения босса вход запрещен! — охранник у дверей тут же преградил ему путь.

— Я не войду, просто хочу сказать им пару слов и сразу уйду, можно? — попытался договориться Чжоу Цзэжань.

— Нельзя! Уходи отсюда быстрее! Те, кто внутри, должны обдумывать свои поступки. Если ты ворвешься, им добавят наказание, а нас оштрафуют. Проваливай!

Охранник прогнал Чжоу Цзэжана. Пяо Гуаньшань заранее догадывался, что тот придет, и опасался, что парень снова что-то задумает — например, украдет их песню или попытается силой вытащить их, за что им снова достанется. Ему было нелегко найти таких талантливых учеников, и он не собирался позволить людям Инь Аньши их погубить.

Вэнь Си, услышав шум снаружи, постучал по полу:

— Чжоу Цзэжань, мы с Му Сюнем всё поняли. Думаю, Цзян Нин тебе всё объяснила, так что уходи.

Если этот шум не прекратится, он скорее умрет от головной боли, чем от побоев. Неужели нельзя просто спокойно подлечиться? К тому же, если он действительно вломится, их снова будут бить, а в следующий раз наказание будет гораздо суровее...

— Тогда... поправляйтесь, я пошел.

Боль от ударов бамбуковыми палками была ноющей и постоянной, словно будильник, каждую минуту напоминая о том, как серьезно они провинились. Это чувство было невыносимым, как будто их били заново.

— Слушай, Си, а за что тебя в детстве родители наказывали?

— Чего это ты вдруг? Да как у всех... если ссорились, в ход шла «жареная бамбуковая плоть». Помнишь, у нас в городке пост охраны был? Я как-то раз решил сбежать из дома, дошел до ворот, а меня там поймали и вернули обратно. Отец тогда задал мне жару! А ты?

— Ха-ха, у меня был случай, который я никогда не забуду. Играл во дворе в мяч и разбил окно. Мать так меня отходила, что весь двор слышал мои крики!

<http://bllate.org/book/20344/2032973>